

DISCUSSIONS

- Discussion on the article "Psychology and methodology"
of A.V. Yurevitch published in "Psychological journal, 2000, № 5"
Is there any need to change methodological paradigms in psychology?
V. I. Morosanova 103
- Positivism is dead, viva ...?
T. D. Matrsinkovskaya 105

PSYCHOLOGICAL ESSAYS

- Dialogues with Jean Piaget (the 10-th one)
Jean-Claude Bringuier 107

OUR HEROES OF ANNIVERSARY

- Pavel Vasilievich Simonov – 75-th Birthday 111
- Vyacheslav Alekseevich Bodrov – 70-th Birthday 111
- Boris Alekseevich Sosnovsky – 60-th Birthday 112

SCIENTIFIC LIFE

- The I-st Russian scientific-practical conference of existential psychology
E. P. Varlamova 113
- The summary of the annual scientific conference in the Institute of Psychology, RAS
T. I. Artem'eva 115

CRITICAL REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY

- From philosophy to psychology of creativity
I. E. Yevgenyin, V. T. Kudryavtsev 120
- Unconscionable Pedagogic psychology
S. I. Rozum 123

- Yaroshevsky Mikhail Grigor'evich 125
- Tikhomirov Oleg Konstantinovich 127

КУРТ ЛЕВИН: В ПОИСКАХ НОВОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

© 2001 г. Д. А. Леонтьев*, Е. Ю. Патяева**

* Доктор психологических наук, профессор ф-та психологии МГУ, Москва

** Психолог, Москва

Анализируется многообразный вклад К. Левина в формирование психологии XX в. Рассматривается несколько его исследовательских программ и систем методологических воззрений, последовательно сменявших друг друга.

Ключевые слова: способ мышления Левина, методология психологии, эксперимент.

Гордон Олпорт в статье с выразительным названием “Гений Курта Левина” назвал его самым оригинальным мыслителем XX в. [8, с. 289]. Курт Левин не прожил и шестидесяти лет, но мало кто оказал столь мощное и одновременно такое широкое влияние на очень многие направления и разделы психологии: он не только внес вклад в психологическое знание, но во многом определил пути, которыми оно развивалось, и формы, которые оно принимало.

Для российских психологов имя Левина несет в себе не только научное значение, но и специфический личностный смысл. Хотя до 2000 г. его работы (за исключением отдельных статей) не выходили на русский язык, исторически сложилось так, что он воспринимался у нас как в наибольшей степени “свой” из всех зарубежных классиков. В 30-е годы Левин бывал в Москве, общался и переписывался с Л.С. Выготским и А.Р. Лурией, которые планировали перевод его работ на русский. Тогда же некоторые “берлинские” ученики Левина приехали в Советский Союз и стали работать у нас. Наиболее известна из них Б.В. Зейгарник, ставшая одним из ведущих профессоров факультета психологии МГУ. Ниже мы коснемся конкретного влияния идей Левина на деятельностный подход и теоретических “перекличек” между ними. Во многом благодаря этим “перекличкам” подход Левина в той мере, в которой он был известен в нашей стране, воспринимался у нас с симпатией и даже в период наиболее жесткой нормативной идеологической критики в адрес всех без исключения направлений “буржуазной” психологии критиковался более чем мягко.

Известность же Левина в нашей стране долгие годы ограничивалась посвященной ему небольшой книгой Б.В. Зейгарник [3], в которой излагались преимущественно его конкретно-теоретические положения и экспериментальные подходы

первого – берлинского – периода деятельности, а также сокращенными переводами некоторых статей, включенных в хрестоматии по истории психологии.

Только в 2000 г. стало возможным более полноценное знакомство российских читателей со взглядами Левина по первоисточникам. Оно началось с двух последних книг, появившихся на свет уже после его смерти и включавших избранные статьи американского периода его деятельности: “Теория поля в социальных науках” [4] и “Разрешение социальных конфликтов” [5]. Вторая из них включает, в частности, весьма объемистый и содержательный очерк жизни и творчества Левина, написанный Н.В. Гришиной [2]. Научная биография Левина выглядит довольно простой (этого не скажешь о его интеллектуальной биографии): родился в 1890 г., в 20-е годы работал в Берлинском университете и создал школу экспериментального исследования действий и аффективных процессов, по своим теоретическим взглядам был близок к гештальтпсихологам, с приходом Гитлера к власти эмигрировал в США, где его теории приобрели утонченно формализованный оттенок, а экспериментальные интересы сместились в сторону исследования групповых и вообще социальных процессов, умер в 1947 г. В очерке Н.В. Гришиной весьма подробно проанализированы работы Левина именно американского периода. Совсем недавно вышел объемистый том избранных работ Левина, прежде всего теоретических и методологических, раскрывающий разные грани творчества этого выдающегося мыслителя [6].

Для психологии XXI в. значение и актуальность созданного Левином 50–80 лет тому назад определяется, на наш взгляд, прежде всего тем, что он принадлежал к числу не столь уж многих психологов XX в., работавших *методологически*

осознанно и осмысленно. С самого начала его работы в области психологии проблема методологии, т.е. вопрос о том, каким должно быть научное психологическое мышление, находится в центре его интересов и продолжает занимать это центральное место до самого конца. Благодаря этому Левину удалось не только резко расширить сферу экспериментальной психологии, включив в нее области, ранее считавшиеся недоступными строго научному изучению – процессы эмоций и образования намерения, волю и постановку целей, стиль лидерства и групповую атмосферу, проблемы власти и социальных изменений и т.д. (этот перечень можно продолжать очень долго), – но и создать к концу своей жизни такой способ психологического мышления, который еще далеко не полностью освоен современной психологией и до сих пор не исчерпал эвристического потенциала.

Поэтому наша задача – представить Курта Левина по возможности системно, как мыслителя, взгляды которого охватывали разные области и уровни психологического знания и развивались с течением времени, сохраняя при этом в центре внимания фигуру Левина-методолога. Мы до сих пор находим у него полезные ответы на многие психологические задачи, с которыми сталкиваемся, но наиболее ценное в его работах – не сами ответы, а способы их решения. Разные ученые охотно делятся с нами своими мыслями, но многие ли способны, как Левин, поделиться с нами мышлением?

ПЕРВАЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ЛЕВИНА: ПЕРЕХОД ОТ “АРИСТОТЕЛЕВСКОГО” СПОСОБА МЫШЛЕНИЯ К “ГАЛИЛЕЕВСКОМУ” И ПОСТРОЕНИЕ ПСИХОЛОГИИ “ГАЛИЛЕЕВСКОГО” ТИПА (1917–1931)

Начало. Библиография работ Левина открывается статьей “Военный ландшафт” (1917) [6, 10]. Нечасто дебютная публикация молодого ученого оказывается настолько весомой, что сразу обеспечивает себе место в “Избранном”. Эта статья носит феноменологический характер и сразу как бы задает лейтмотив будущих теоретических поисков Левина, предвосхищая идеи “психологического поля” и действующих на человека “психологических сил”.

Приехав на то место, где Левин был во время военных действий, служа в армии в годы Первой мировой войны, он обнаруживает, что тот же ландшафт воспринимается совершенно иначе. Уже здесь появляется идея *психологической ситуации*: нет просто местности, есть *воспринятая определенным образом* местность, оказывающая существенное влияние на наши действия. Период военных действий структурирует ситуацию одним образом, мирный контекст – совер-

шенно другим. Описание военного ландшафта очень напоминает позднейшие описания психологического поля – как всего, что существует для человека психологически (Левин говорит, в частности, о направлении ландшафта, граничной зоне, местах опасности, границе местности и т.д.). По сути, здесь намечается круг проблем, которые будут интересовать Курта Левина на протяжении всей жизни.

После “Военного ландшафта” Левин публикует ряд довольно разнородных на первый взгляд работ, распадающихся на две большие группы: экспериментальные лабораторные исследования достаточно классического типа (вот лишь некоторые его темы: влияние интерференции на интенсивность слышимых звуков, проблемы измерения волевых процессов и основной закон ассоциаций, восприятие перевернутых слов и фигур) и статьи по теории и методологии науки (понятие родственности в биологии и физике, понятие возникновения в физике, биологии и истории развития, идея и задача сравнительной теории науки). Темы его работ наводят на мысль о том, что он активно осваивает уже имеющиеся в психологии методы исследования и способы мышления и ищет недостающие методологические средства в физике, биологии и общей теории науки.

К “галилеевской” психологии. Результатом методологических и теоретических поисков Левина стала программа построения психологии “галилеевского” типа, в значительной степени реализованная в начатом в 1924 г. цикле выполненных под его руководством экспериментальных исследований по психологии мотивации и аффектов и в его первой крупной теоретической работе “Намерение, воля и потребность” (1926) [6, 11]. Во второй половине 20-х годов Левин резюмирует итоги своих поисков в двух принципиально важных чисто методологических работах: “Закон и эксперимент в психологии” (1927) и “Переход от аристотелевского способа мышления к галилеевскому в психологии и биологии” (1931) [6, 12, 13]¹. Следует отметить, что психология в этот период видится Левину как часть биологии – в конце жизни он будет считать ее одной из социальных наук.

Что же такое “галилеевский” способ мышления в понимании Курта Левина? Ключевой идеей этого способа мышления является *принцип законсообразности психического* и стремление вывести законы психики, такие же строгие и всеобъемлющие, как и законы ньютоново-галилеевской физики. На основе этого Левин собирался вписать психологию в классическую естественнонаучную картину мира. В отличие от большинст-

¹ Обе эти работы были впервые опубликованы на русском языке в “Психологическом журнале” (1990. Т. 11. № 5, и 2001. Т. 22. № 2, 3.)

ва современных ему психологов, Левин считает: *все без исключения* – в том числе и “высшие” – психические явления закономерны и подлежат научному, включая экспериментальное, исследование; могут и должны быть найдены законы, которым они подчиняются. В статье “Закон и эксперимент в психологии” [6, 12] Левин сравнивает и противопоставляет друг другу научные законы, с одной стороны, и правила, выводимые на основе статистического обобщения, – с другой: закон *общезначим*, он действует *во всех без исключения* случаях и этим отличается от правила, обобщающего *часто встречающиеся* случаи. С этим противопоставлением связана и критика Левином “духа статистики”, господствовавшего в современной ему экспериментальной психологии и господствующего поныне, а также сравнительный анализ причинной зависимости и простой регулярности (там же).

Другая его принципиальная методологическая идея – *важность индивидуального события*, а не общего усредненного “класса”, стремление к полному описанию конкретного индивидуального случая. Если в сфере психических явлений действуют такие же общезначимые законы, как и в мире физического, то любое индивидуальное событие закономерно, а вовсе не случайно, и не менее достойно изучения, чем всевозможные “средние” случаи (средний ребенок того или иного возраста, средний представитель той или иной национальности и т.д.).

Индивидуальный случай дает результаты, на первый взгляд отклоняющиеся от предсказываемых теорией, не потому, что предсказание носит стохастический характер и допускает разброс, а потому, что он практически никогда не бывает “чистым”, управляемым только одной закономерностью. Обычно в индивидуальном случае друг на друга накладывается ряд законов, каждый из которых предполагает вполне точные предсказания. Трудность, однако, состоит в том, чтобы выделить *все* законы, действующие в индивидуальном случае и образующие лишь видимость единого процесса. В работе “Закон и эксперимент в психологии” [6, 12] Левин иллюстрирует это простым и наглядным примером траектории движения неодушевленного объекта. То, что на первый взгляд кажется одним процессом, при более пристальном рассмотрении оказывается серией переходящих друг в друга процессов, каждый из которых управляется своими законами движения. На этом основании Левин разводит понятия “*фенотипические*” (описательно характеризующие комплексный процесс в совокупности “историко-географических”, т.е. пространственно-временных условий его протекания в индивидуальном случае) и “*каузально-генетические*” (отвечающие на вопрос “почему?” и направленные не на описание события или феномена, а на

его *объяснение* в терминах однозначно трактуемых законов).

Еще одна важная методологическая идея Левина – сдвиг акцента с “природы объекта” на анализ его взаимосвязей и взаимоотношений с другими объектами, с его окружением. Одной из кардинальных характеристик “аристотелевского” способа мышления и всей послеаристотелевской науки на протяжении двух тысячелетий было приписывание свойств, которые проявляет объект, самому объекту, его природе. Галилей же поставил вопрос иначе: любой объект проявляет свои свойства во взаимодействии с другими объектами, стало быть, свойства и есть характеристика конкретных взаимодействий между объектами. Например, вес тела – это не имманентно присущее его “природе” свойство, а характеристика его взаимодействия с гравитационным полем Земли. Левин призвал приложить эту логику рассуждений к психологическим свойствам человека; результатом стала блестящая серия экспериментов и новая теория поведенческой динамики.

Экспериментальное изучение действий и аффектов. “Галилеевский” способ мышления реализуется в выполнявшемся под руководством Левина цикле экспериментальных исследований “психологии действий и аффектов” (работы Б. Зейгарник, А. Карстен, М. Овсянкиной, Т. Дембо, Ф. Хоппе, Г. Биренбаум, Дж. Брауна, С. Фаянс, В. Малер, К. Лисснер и других его учеников), а также в первой его крупной теоретической работе “Намерение, воля и потребность” [6, 11]. Характерен уже сам выбор предмета исследования – воля и намерение традиционно относились к “высшим” процессам и считались недоступными научному изучению, а потому их рассмотрение было прерогативой литературы и “понимающей” психологии. Этот цикл исследований, как и их теоретическое осмысление Левином, ясно показывают, что тонкие закономерности мотивационно-смысловой динамики доступны не только психоанализу или понимающей психологии, но и строгому экспериментальному изучению (если не подменять его статистическими обобщениями).

Во-первых, “галилеевский” способ мышления определил сам выбор предмета исследований: если закономерны *все* психические процессы, а не только “низшие”, то вполне правомерно взять в качестве предмета изучения феномены, относящиеся именно к “высшим” сферам психического, считавшимся ранее недоступными для экспериментального исследования. Что и было сделано: исследовалось влияние мотивации на запоминание, психическое насыщение, относящееся к многообразным ситуациям повседневной жизни, таким как игра на фортепиано, слушание доклада, чтение книги, а также разного рода ситуативные обстоятельства, такие, например, как общение с

определенным человеком (в частности, в браке). Во-вторых, авторы исследований тщательно анализируют не только общие тенденции, но и индивидуальные случаи, особенно те, которые выглядят “исключением”, и выявляют условия, приводящие к тем или иным особенностям “фенотипа”. По глубине и тонкости такого феноменологического анализа индивидуальных случаев студенты Левина превосходят подавляющее большинство современных сертифицированных психотерапевтов. В-третьих, последовательно проводится принцип различия гено- и фенотипа, что проявляется в разделении описания экспериментальных исследований на описательную и “каузально-динамическую” части.

Одно из главных следствий “галилеевского” подхода применительно к проблемам динамики действия, занимавшим Левина в 20-е годы, заключалось в том, что характеристики, через которые мы можем описать объект, его поведение в различных ситуациях, не следует понимать как атрибуты, присущие объекту в силу его качественно своеобразной “природы” (т.е. по-аристотелевски). Они обнаруживаются только в контексте определенной ситуации, во взаимодействии с другими объектами и ситуаций в целом. Мы не можем ничего сказать про личность, если изыдем ее из взаимодействия с окружающей ее реальностью. Совокупность взаимосвязей элементов внешней (объективной) и внутренней (психологической) ситуаций Левин описывает с помощью заимствованного из физики понятия поля. Поле характеризуется определенной топологией (в нем выделяются области, разделенные границами разной степени жесткости) и определенной динамикой сил, влияющих на находящегося в этом поле индивида и существенно различающихся в разных точках поля. Поведение таким образом предстает как функция специфической констелляции сил поля, порождающих в индивиде напряженные системы, стремящиеся к своей разрядке. Именно закономерности возникновения, развития и исчезновения разного рода напряженных систем в психологическом поле лежат в основе всех психических явлений.

“*Намерение, воля и потребность*”. Первой сравнительно большой общетеоретической работой Левина, в которой он предложил достаточно детально разработанную общепсихологическую объяснительную модель поведенческой динамики, стала его книга “Намерение, воля и потребность” [6, 11], опирающаяся на результаты первых экспериментов Овсянкиной, Зейгарник, Биренбаум, Карстен. В этой книге Левин, почти не дискутируя открыто с З. Фрейдом, предлагает весьма убедительный ответ академической психологии на вызов Фрейда, первым обратившего внимание на игнорировавшуюся до него область

изучения побудительных сил человеческих поступков.

Избегая, в отличие от Фрейда, радикальных теоретических допущений, Левин предлагает свою, вполне конкурентоспособную версию психодинамики – концепции законов и механизмов трансформаций энергии побудительных сил человека в конкретные действия. Ключевые понятия Левина вынесены в заголовок книги. Потребности он рассматривает как системы, порождающие напряжение, разрядка которого происходит в действии при наступлении подходящего случая. Намерения динамически подобны потребностям, хотя имеют иную природу; для характеристики их динамической стороны Левин вводит довольно точный термин “квазипотребность”. В понятие волевых процессов он включает спектр преднамеренных процессов разной степени произвольности, обращая внимание на такой их признак, как произвольное конструирование будущего поля, в котором наступление самого действия должно произойти уже автоматически.

Особое место занимает в модели Левина понятие “*Aufforderungscharakter*”, которое переводили на русский язык как характер требования, требовательный характер или побудительный характер. Мы переводим этот термин как *побудительность* (там, где есть квалификатор *чего*) или *побудитель* (там, где такого уточнения нет). Констатируя известный факт, что мы всегда воспринимаем предметы пристрастно – они обладают для нас определенной эмоциональной окраской, – Левин замечает, что помимо этого они как бы требуют от нас выполнения по отношению к себе определенной деятельности. «Хорошая погода и определенный ландшафт зовут нас на прогулку. Ступеньки лестницы побуждают двухлетнего ребенка подниматься и спускаться; двери – открывать и закрывать их, мелкие крошки – подбирать их, собака – ласкать, ящик с кубиками побуждает к игре, шоколад или кусок пирожного “хочет”, чтобы его съели» [11, с. 60]. Побудительность может различаться по интенсивности и знаку (притягательный или отталкивающий), но это, по мнению Левина, не главное. Гораздо важнее то, что объекты побуждают к определенным, более или менее узкоочерченным действиям, которые могут быть чрезвычайно различными, даже если ограничиться только положительными побудителями. Приводимые Левином факты свидетельствуют о прямой связи изменений побудительности объектов с динамикой потребностей и квазипотребностей субъекта, а также его жизненных целей. Левин дает богатое описание феноменологии побудительности, которая меняется в зависимости от ситуации, а также в результате осуществления требуемых действий. Так, например, как показали проведенные под руководством Левина эксперименты Карстен, насыщение

ведет к потере объектом и действием побудительности, а пресыщение выражается в смене положительной побудительности на отрицательную; одновременно положительную побудительность приобретают посторонние вещи и занятия, особенно в чем-то противоположные исходному. Действия и их элементы также могут утрачивать свою естественную побудительность в результате автоматизации. И наоборот: с повышением интенсивности потребностей не только усиливается побудительность отвечающих им объектов, но и расширяется круг таких объектов (голодный человек становится менее привередливым).

Левин и психология деятельности. Работы Левина этого периода оказали заметное влияние на становление психологии деятельности у нас в стране. Эвристическое влияние его идей на работы Выготского хорошо заметно в “Истории развития высших психических функций” [1]. В меньшей степени это можно сказать о работах А.Р. Лурии. Но парадоксальным образом наиболее сильное влияние Левин оказал на теоретические идеи А.Н. Леонтьева, хотя нам не известны свидетельства об их личных встречах или переписке. Более того, за исключением работы “Психологическое исследование деятельности и интересов посетителей ЦПКиО им. Горького”, написанной в 1935 г. и опубликованной лишь в 1999 [7], А.Н. Леонтьев нигде не ссылается на Левина, хотя те, кто был знаком с Алексеем Николаевичем лично, помнят, что словосочетание “полевое поведение” как оппозиция поведению волевому входило в число излюбленных им обиходных выражений.

Упомянутая работа представляет собой статью, написанную на основе отчета психологической бригады Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ), проводившей под руководством Леонтьева прикладное исследование. В этот период Леонтьев уже сделал выбор в пользу практической деятельности как магистрально направленного изучения явлений психики и сознания и начал проводить в Харькове новый цикл экспериментальных работ на этой основе, однако его теоретическая концепция еще не обрела свой сколько-нибудь цельный вид. Теоретический базис исследования, проведенного в ЦПКиО, представляет собой любопытный и довольно органичный синтез динамической теории Левина и собственных идей Леонтьева. Левиновские идеи побудительности объектов окружения и давления напряженных квазипотребностных систем плавно “перетекают” в деятельностные и культурно-исторические идеи о формировании структур развивающейся деятельности через целенаправленную организацию среды; квазиестественный эксперимент левиновского типа оборачивается психотехнической стратегией Выготского!

Отсутствие ссылок Леонтьева на Левина в более поздний период вполне объяснимо – враги тогда определялись по географическому признаку, и начиная с середины 30-х годов ссылаться на какие бы то ни было западные источники было просто опасно. В начале 40-х годов Леонтьев выстраивает свое теоретическое здание деятельностного подхода, ссылаясь на марксистскую философию как на его источник. Но ряд камней этого здания несет на себе следы левиновской кладки, они взяты из “Намерения, воли и потребности”. Среди идей, высказанных Левином и получивших дальнейшее развитие в деятельностном подходе, важны следующие: интерпретация психических процессов как жизненных процессов; представление об органе действия; опредмечивание потребностей и развитие потребностей через их предметы; описание автоматизации операций. Все эти идеи получили развитие именно в деятельностном подходе Леонтьева, но не у самого Левина, который, как будет показано ниже, двигался в ином направлении; Леонтьев же разработал ряд восходящих к Левину идей о динамике деятельности гораздо дальше и глубже, чем сам Левин. Достаточно упомянуть концепцию личностного смысла, которую правомерно рассматривать как развитие качественных аспектов, содержащихся в левиновском понятии побудительности, в то время как сам Левин, напротив, двинулся в направлении формализации количественных аспектов побудительности.

Новая методология эксперимента. Хотя физика и выступает для Левина в качестве бесспорного образца научного мышления, однако мы видим, что в своих реальных исследованиях уже в этот период он начинает отклоняться от физического и вообще естественнонаучного способа мышления. Для физика Нового времени индивидуальный случай важен как модельная ситуация, позволяющая обнаружить действие общего закона, и понимание индивидуального случая не предполагает обращения к внутреннему миру падающего камня (скорее, это было свойственно как раз Аристотелю, утверждавшему, что легкие тела “стремятся” вверх, а тяжелые вниз). Для Левина же индивидуальный случай важен еще и сам по себе: ему важно понять конкретного ребенка, конкретного испытуемого. Это ярко демонстрируют эксперименты его учеников. Для эффекта Зейгарник оказалось существенным, воспринимает ли тот или иной испытуемый действие как законченное или как незаконченное. Карстен также обнаружила зависимость динамики насыщения от отношения испытуемого к экспериментальному заданию. Галилею и в голову не могло прийти задаваться вопросом, как относится свободно падающий предмет к ситуации эксперимента. Так, внимание к индивидуальному случаю влечет за собой реальный выход за пределы “галиле-

евского”, т.е. естественнонаучного, мышления. Более того, субъективное отношение испытуемых не только учитывалось как переменная, оно управляло самим ходом исследования. Например, в экспериментах Б.В. Зейгарник [19] экспериментатор вел себя по-разному в зависимости от установки испытуемого.

В экспериментах берлинского периода еще сохраняются и определенные черты традиционного психологического эксперимента: экспериментатор дает испытуемому инструкцию; существует четко определенная ролевая позиция “испытуемого”; используется подсчет средних значений; испытуемые не знают о реальной цели опытов.

Итак, наряду с основными принципами психологии “галилеевского” типа (принцип закономерности психического, принцип значимости индивидуального события, разведение гено- и фенотипа и выделение генотипа, проявляющегося в виде различных фенотипов) в исследованиях этого периода реально применялся еще один принцип, который остался несформулированным (возможно, в силу того, что он никак не вписывался в рамки “галилеевского”, т.е. ориентированного на физику, способа мышления): важность *субъективного*, того, как воспринимает ситуацию сам “испытуемый” и как он к ней относится. Основным методом научного исследования выступает эксперимент, несколько модифицированный по сравнению с классическим, но еще сохраняющий, тем не менее, его основные черты: лабораторный характер (эксперимент не включен в реальную жизнь людей, они ставятся в позицию “испытуемых”) и “наивность” испытуемых. Только “наивность” испытуемых, т.е. незнание ими истинной цели опытов, дает возможность уподобить их свободно падающему физическому телу.

ВТОРАЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА: “ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЛЕ” И ПОПЫТКИ ЕГО НАУЧНОГО АНАЛИЗА (1931–1940)

“*Психологическая ситуация награды и наказания*”. Через пять лет после “Намерения, воли и потребности”, в 1931 г., выходит вторая крупная работа Левина – “Психологическая ситуация награды и наказания” [14]. Отчасти она носит феноменологический характер и несколько напоминает “Военный ландшафт” [10]: как и в “Военном ландшафте”, Левин обращается здесь к опыту повседневной жизни и детально анализирует обычную житейскую ситуацию. Интересно соотношение феноменологических и экспериментальных исследований в творчестве Левина: феноменология – это как бы путь нащупывания новых теоретических и методологических средств; затем следует экспериментальная разработка тех же тем. Однако, в отличие от “Военного ландшафта”,

здесь он дает не просто феноменологическое описание ситуаций обещания награды и угрозы наказания, а предлагает их типологический анализ.

Левин выделяет несколько типов ситуации обещания награды и угрозы наказания (обещание награды в ситуациях побуждения и запрета, угроза наказания в ситуации побуждения и запрета, явная и неявная угроза наказания) и сопоставляет их с ситуацией действия, вытекающего из интересов самого ребенка. Он анализирует возникающие в ситуациях угрозы наказания и обещания награды мотивационные конфликты, а также различные варианты поведения, доступные ребенку, описывает возникающие в такого рода ситуациях стремление к выходу из поля (ситуации). Пожалуй, в этой работе Левин впервые, еще за несколько лет до переезда в США, начинает анализировать социальные отношения – отношения власти взрослого над ребенком, делая фундаментальный вывод о психологической неэффективности наказания. “Психологическая ситуация награды и наказания” – одна из наиболее конкретных работ Левина, которая может быть интересна не только психологу, но и любому вдумчивому учителю или родителю. Практические ее следствия в полной мере сохраняют свою актуальность и для современной школы.

Отдельное воздействие, утверждает Левин, может оказывать разное влияние в зависимости от общей жизненной ситуации ребенка, ибо поведение ребенка и психологический смысл того или иного воздействия в ситуации награды и наказания не определяются изолированным стимулом или отдельным психическим процессом, как и в других случаях [6, 14]. Он вводит понятие “жизненное пространство ребенка” – это то, что существует для ребенка *психологически*, – развивает представления о различных уровнях реальности в жизненном поле. В этом труде в полном объеме ставится задача построения психологического представления ситуации и начинается детальная разработка “топологического” понятийного аппарата, который будет использоваться в последующих работах: топологическая структура ситуации описывается через области, барьеры и векторы сил.

Принципы “галилеевского” мышления сохраняют свою полную силу, но на первый план выходит анализ субъективной ситуации – и Левин вынужден искать новые методологические средства и новый эталон научности. Реально он еще дальше уходит здесь за пределы “галилеевского” способа мышления: “внутренняя” ситуация не просто учитывается, а становится основным предметом рассмотрения (важно, какова ситуация для самого ребенка, а не для внешнего наблюдателя). В поиске новых средств психологического анализа Левин обращается к топологии. Эта проблематика уже не укладывается в рамки естественнонауч-

ного эксперимента, даже модифицированного, а физика перестает быть эталоном научности.

Обращение к математике в поисках средств научного представления психологических факторов. После “Психологической ситуации награды и наказания” [14] Левин, по всей видимости, не может не ощущать недостаточности “галилеевского” способа мышления в психологии. Включая английский перевод “Перехода от аристотелевского способа мышления...” в свой первый американский сборник работ “Динамическая теория личности”, он активно ищет новый методологический идеал. Для того чтобы понять, какой идеал он формулирует для себя в этот период, стоит обратиться к одной из работ, также включенной в “Динамическую теорию личности” [15], – “Влияние сил окружающей среды на поведение и развитие ребенка” (1933).

В значительной мере это изложение для американского читателя тех идей и экспериментальных данных, которые были уже опубликованы Левином ранее. Но одновременно с переводом левиновских идей на английский язык здесь начинается и перевод их на более формализованный язык математических формул и графических схем. Множество формул напоминает скорее учебник физики, чем книгу по психологии. Здесь же появляется классическая левиновская формула поведения: $V = f(P, E)$. Цель работы – рассмотреть “психологическое влияние окружения” на развитие ребенка. Понятие психологического окружения становится здесь центральным: “Для того чтобы исследовать проблемы психологической динамики, мы должны начать с рассмотрения того окружения, которое существует для данного ребенка психологически” [15, с. 74]. Важно, как те или иные физические или социальные факты выступают для самого ребенка. “Такие социальные факты, как дружба с другим ребенком, зависимость от взрослого и т.д., не менее реальны с динамической точки зрения, чем те или иные физические факты” (там же, с. 75).

Задача, которую пытается решить Левин, – “научно” уловить “субъективное” поле – то, что существует для субъекта. В поисках средств, которые позволили бы “научно” иметь дело с субъективным, с тем, “что существует для субъекта психологически”, Левин обращается к математике. Закономерности психического он пытается выразить математически, добиться научной строгости, используя математические средства. Не отказываясь от принципа значимости индивидуального случая, Левин разрабатывает понятийные средства его описания, вкладывая новое содержание в понятия поля, сил, барьеров, областей. Изменяется роль схем: если раньше они играли роль иллюстраций текста, то теперь приобретают самостоятельность и местами сам текст воспринимается как вспомогательное пояснение к схеме.

После “Динамической теории личности” [15] Левин публикует “Принципы топологической психологии” (1936) [16], в которой продолжается движение в направлении формализации и математизации. Содержательно к этому же этапу примыкают и опубликованные несколькими годами позднее работы “Концептуальное представление и измерение психологических сил” (1938) [17] и “Формализация и прогресс в психологии” (1940) [18]. Левин вводит единый математический аппарат и систему понятий, вытекающую из построенной им математической модели (понятия силы, напряжения, расстояния, барьера, локомоции), как связующее средство для разных областей психологии. Испытывая теоретические сложности с объяснением переходов от одного ситуативного поля к другому, он пытается преодолеть их с помощью формально-математических средств. Однако формализация не дает выхода к обнаружению новых феноменов или к предсказанию либо изменению поведения. Вместе с тем разработанный Левином концептуальный аппарат теории поля в последующие годы смог стать для него средством конкретно-психологического анализа.

Одной из наглядных иллюстраций формализации стал переход в статье 1933 г. [15] от понятия “побудительность”, учитывавшего качественную определенность действий, совершения которых требовал данный предмет, к понятию “валентность”, указывавшему лишь на факт притягательной или отталкивающей силы. Вместе с тем Левин и в этом контексте вводит в свою объяснительную модель социальные отношения, указывая, что многие объекты внешнего окружения, формы поведения и цели приобретают валентность не на основе собственных потребностей ребенка, а посредством запрета, приказа или примера со стороны взрослого. “Отрицательная валентность запретных вещей, которые сами по себе привлекательны для ребенка, порождается обычно индуцирующим силовым полем взрослого. Если это силовое поле перестает психологически существовать для ребенка (например, если взрослый уходит или теряет свой авторитет), отрицательная валентность также исчезает” [15, с. 98–99].

ТРЕТЬЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА: ОТ “ГАЛИЛЕЕВСКОГО” СПОСОБА МЫШЛЕНИЯ К “ЛЕВИНОВСКОМУ” (1935–1947)²

Со второй половины 30-х годов, по существу, начинается разработка и реализация *третьей*

² Хронологические границы выделяемых периодов достаточно условны, ибо какое-то время вторая и третья программы осуществляются параллельно: статьи, содержательно относящиеся к этапу формализации, публикуются параллельно с исследованиями, в которых закладываются основы новой методологии.

методологической программы Левина: построение общего методологического подхода, применимого в разных проблемных сферах психологии, и новой методологии психологического исследования (“конструктивного” метода и модели “действенного исследования”).

Теория поля как метод анализа. Параллельно с попыткой создания “топологической” психологии Левин пытается осмыслить свой опыт первых лет жизни в Америке после иммиграции и публикует две работы феноменологического, по сути, характера: “Психосоциологические проблемы меньшинств” (1935) [5, с. 292–309] и “Некоторые социально-психологические различия между Соединенными Штатами Америки и Германией” (1935) [5, с. 106–147]. В данных статьях он пользуется теми же самыми “теоретико-полевыми” понятиями, что и в “Топологической психологии” [16], которую пишет в это же время. Однако их принципиальное отличие от “Топологической психологии” состоит в том, что Левин не пытается построить здесь теоретическую систему, а использует теоретико-полевые понятия (такие, как пространство свободного движения и его границы, барьеры между доступными и недоступными областями, физические и социальные “локомобилии” и т.д.) как *средства анализа феноменально наблюдаемых явлений и свойств.*

В последующие годы это изменение функций “теории поля” становится явным и отчетливо сформулированным: теоретико-полевой подход “предназначен для того, чтобы быть практическим средством исследования” [4, с. 156]. Иначе говоря, изменяется задача – она состоит теперь не в построении всеохватывающей психологической теории (как это было в период создания топологической психологии), а в выработке конкретно-методологических принципов, которые могут использоваться в разных проблемных областях психологии и приводить к построению соответствующих теорий среднего уровня. Под руководством Левина осуществляется еще одна серия блестящих экспериментальных исследований, но уже в новой области – исследования стиля лидерства и влияния на поведение человека демократической, авторитарной и попустительской групповой атмосферы [5, с. 198–214].

Эксперименты со стилями лидерства и групповыми атмосферами представляют собой своеобразный переходный мостик от экспериментов берлинского периода к позднейшим исследованиям групповой динамики. Эти эксперименты характеризуются принципиально новыми особенностями. К ним относятся: активная позиция экспериментатора (принципиально разная в различных сериях – этого не было в экспериментах берлинского периода), отсутствие ролевой позиции “испытуемого” (испытуемые приходят не

“для эксперимента”, а в кружок, для них это – реальная жизнь). Соответственно нет инструкции, экспериментатор не “проводит опыт”, а организует реальную жизнь подростков, сам эксперимент становится частью реальной жизни. Что остается от традиционного психологического эксперимента? Только “наивность” испытуемых, от которых скрывается реальная цель исследования, проводимого экспериментатором. В последующих “действенных” исследованиях и этот момент упраздняется – “наивность” испытуемых будет полностью отменена, они станут не испытуемыми, а участниками семинара, не просто знающими его реальные цели, но и имеющими возможность участвовать во всех обсуждениях.

Задача, поставленная во “Влиянии сил окружающей среды” [15] – научно уловить субъективное, – получает новое решение: если мы можем экспериментально создавать то или иное “субъективное” поле (в данном случае – авторитарную или демократическую атмосферу), то тем самым научно улавливаем его и уже не нуждаемся в его “объективации” с помощью математических формул.

Конструктивный метод. Следующим шагом построения “левиновского” способа мышления можно считать формулирование принципа “конструктивной методологии” и углубление характеристики теории поля как метода. В опубликованной в 1943 г. статье «Определение “поля в данный момент времени”» [4] Левин подчеркивает, что “теорию поля едва ли можно назвать теорией в обычном смысле” (с. 66). “Теорию поля, вероятно, лучше всего характеризовать как метод, а именно метод *анализирования причинных связей и построения научных конструктов*” (там же). “Каковы принципиальные особенности теории поля? Наиболее важными мне представляются следующие: преобладание конструктивного, а не классифицирующего образования понятий; интерес к динамическому аспекту событий; приоритет психологического, а не физического описания; анализ, исходящий из рассмотрения целостной ситуации; различение систематических и исторических проблем; математическое представление поля” [4, с. 81]. В “Определении поля...” к этому перечню добавляются принцип текущего момента и понятие ситуаций разного масштаба. Характерно, что схемы и формулы снова начинают играть вспомогательную и иллюстративную роль.

В это же время в работах Левина появляется идея “конструктивного метода”. Что же это такое? «Сущность конструктивного метода состоит в представлении индивидуального случая с помощью небольшого числа конструктивных “элементов”. В психологии такими элементами могут стать психологическая “позиция”, психологические “силы” и тому подобные понятия. И общие

законы психологии – это утверждения об эмпирических взаимоотношениях этих конструктивных элементов или об их свойствах. В соответствии с этими законами можно сконструировать бесчисленное количество сочетаний конструктивных элементов, и каждое такое сочетание будет соответствовать тому или иному конкретному случаю в определенный момент времени. Таким образом, возможно построить мост между общим и конкретным, между законами и индивидуальными особенностями» (там же, с. 82).

Еще один важный момент: «Мы можем принимать в расчет как “общие” тенденции, так и более “конкретные” (например, связать общий фактор передвижения из одной области в другую с более конкретным фактором перемещения в неизвестную область, или с фактором перемещения из одной социальной группы в другую, и, наконец, с маргинальной позицией “между” двумя группами). Вместо того, чтобы собирать изолированные факты, а потом пытаться “синтезировать” их, здесь с самого начала учитывается и представляется вся ситуация в целом. Таким образом, теоретико-полевой подход предполагает метод “последовательного приближения” путем постепенно увеличивающейся конкретизации» (с. 172).

“Конструктивный метод” Левина предполагает широкое использование “субъективных элементов”: то, как видит ситуацию жена или муж; ценности членов группы и т.д. При этом акцент ставится на анализ индивидуальных случаев и Левин целенаправленно занимается разработкой концептуальных средств такого анализа (“метод последовательного приближения” к пониманию данного конкретного случая). По сути, он вновь задает этим новую модель научности, отличную и от “галилеевской” модели берлинского периода, и от математизированной топологической психологии. В основе модели лежит воспроизводимость не факта, а концептуальной схемы анализа и соответствие выводов реально наблюдаемым феноменам как критерий их правильности.

Посмотрим, как работает конструктивный метод Левина на примере проблемы подросткового возраста (с. 152–177). Рассматривая подростковый возраст, он исходит из очень небольшого числа “конструктивных элементов”: это – изменение групповой принадлежности (переход из группы детей в группу взрослых); незнакомость, т.е. когнитивная неструктурированность, области, в которую вступает подросток и в которой он должен действовать; тело как одна из центральных областей жизненного пространства (новые, незнакомые телесные ощущения подобны уходящей из-под ног почве); дифференциация временной перспективы и необходимость построения планов в обширной и неизведанной области. Реконструировав жизненное пространство подрост-

ка с помощью этих элементов, Левин выводит ряд характеристик подросткового возраста. Это – свойственные подросткам застенчивость и обидчивость, неуверенность поведения и внутренняя конфликтность действий, расшатывание веры в стабильность мира и повышенная агрессивность, “радикализм”, крайняя категоричность в суждениях и податливость разным влияниям, готовность следовать за каждым, кто предлагает четко определенную систему ценностей, эмоциональная нестабильность и повышенная чувствительность, общая неуравновешенность поведения. Принципиально важно, что его анализ не исчерпывается выведением известных характеристик – он выводит сами условия, при которых будет наблюдаться подростковый кризис и при которых его не будет. Теоретическая модель порождает концептуальные средства для анализа и понимания ситуации конкретного подростка и психологического консультирования родителей.

Поражает спектр проблем, которыми занимался Левин в эти годы [4–6]. Вот лишь некоторые из них: анализ подросткового возраста и содержательное определение социальной группы; проблемы развития, качественных различий поведения на разных возрастных уровнях и регрессии; анализ научения как изменения когнитивной структуры и научения как изменения ценностей и валентностей; анализ силового давления в образовании и политике; уровень притязаний и его роль в научении; анализ психологического прошлого и будущего как составных частей психологического поля, существующего в данный момент; проблема психологической экологии; проблемы социального восприятия и интерпретации; анализ социальных образований разного масштаба и тип лидерства и руководства; проблема экспериментирования в реальных жизненных ситуациях; процессы саморегуляции в группе; проблема социальной саморегуляции и социальных изменений; уровень агрессивности в демократической и авторитарной атмосферах; анализ ситуаций агрессивной авторитарности и апатичной авторитарности; влияние групповой атмосферы и групповых стандартов на тип индивидуального поведения; проблемы увеличения производительности труда; изменение социальных навыков и групповых стандартов; эффективность принятия группового решения. Левин оказал влияние на многие разделы общей, социальной, возрастной, педагогической психологии, психологии труда и управления, экологической психологии. Он стоит у истоков современной конфликтологии, психологии среды, групповых методов (групповой дискуссии и групповой терапии) и многого другого.

Вопреки расхожему мнению в этот период Левин вовсе не перестает интересоваться проблемами личности, которая предстает в его поздних ра-

ботах более полно – в контексте своей социальной ситуации [5]. Продолжаются исследования уровня притязаний, фрустрации и регрессии [4, с. 108–151; 5, с. 239–268]. Психология теперь выступает для него как одна из социальных наук.

Развитию личности посвящена и последняя крупная работа Левина: *“Поведение и развитие ребенка как функция от ситуации в целом”* (1946). Эта работа представляет собой наиболее полное и целостное изложение того, что можно назвать “психологией с теоретико-полевой точки зрения”. Общая задача звучит у Левина так: “Если мы хотим использовать все множество известных науке фактов о развитии, личности, человеческих взаимоотношениях, познании и мотивации для понимания поведения любого конкретного человека, предсказания этого поведения или управления им, то эти данные необходимо связать между собой таким образом, чтобы они были приложимы к данному человеку в данный момент времени” [4, с. 263].

В этой работе он реализует “принцип последовательного приближения” к анализу конкретной ситуации конкретного ребенка. Прежде всего формулируются основные методологические положения и понятия: понятия жизненного пространства и психологического поля, принцип общезначимости закона, различение динамических и фенотипических свойств, понятие макро- и микроскопических единиц анализа. Затем, переходя на более конкретный уровень анализа, Левин излагает теорию поведения, определяемого индивидуальным психологическим полем, в которую вошли в той или иной форме все проблемы, волновавшие его в разные периоды научной деятельности. Они делятся на несколько содержательных блоков.

Первый блок проблем образует когнитивная структура жизненного пространства: дифференциация его измерений (выделение психологического настоящего, прошлого и будущего); разделение уровней реального и нереального; регрессия. Например, из положения о постепенности дифференциации уровней реального и нереального следует, что у маленького ребенка граница между правдой и ложью, восприятием и воображением является менее четкой, чем у более старших детей, а это важно понимать всем, кто практически работает с детьми. *Второй блок* – проблемы местоположения индивида в жизненном пространстве и передвижения в нем; доступности и недоступности областей. Конкретные феномены, относящиеся к этому блоку: адаптация к ситуации, осознание групповой принадлежности, в том числе различия осознания групповой принадлежности в авторитарной и демократической групповой атмосфере. *Третий блок* – проблемы изменения когнитивной структуры. Конкретные

феномены: обходной путь и инсайт; научение как структурирование и дифференциация прежде неструктурированной области; неоднозначность роли повторения при научении. *Четвертый блок* – проблемы психологических сил и силовых полей. Конкретные феномены: ситуация почти достигнутой цели; соотношение “личных” и “безличных” сил в той или иной ситуации; ситуации мотивационного конфликта (в том числе ситуация власти взрослого над ребенком) и их основные типы; “выход из поля”; эмоциональное напряжение и беспокойство. *Пятый блок* – проблемы наложения ситуаций. Конкретные феномены: наложение деятельностей; процесс принятия решения; влияние группы на индивида; влияние маргинальной позиции. *Шестой блок* – факторы, определяющие поле и его изменения. Речь идет о проблеме потребностей и валентностей. Конкретные феномены: влияние состояния потребностей на когнитивную структуру; реальное и замещающее удовлетворение потребности. *Седьмой блок* – проблемы изменения потребностей и целей. Конкретные феномены: настойчивость; влияние уровня трудности; психологическое насыщение; намерение как создание квазипотребности; уровень притязаний и факторы, его определяющие; степень зрелости притязаний; проблема индуцированных потребностей и источников идеологии; эгоизм и альтруизм; подчинение и социальное давление; принятие чужих целей; ситуации агрессивной и апатичной авторитарности; принятие групповых целей.

Как и в случае исследования подросткового возраста, последовательный анализ выводит нас на уровень, на котором уже можно рассматривать жизненную ситуацию конкретного ребенка, а значит, можно давать консультации его родителям о том, как решать те или иные проблемы его развития. Левин активно пользуется “конструктивной методологией” для анализа социальных проблем в выходивших в 40-е годы статьях “Воспитание еврейского ребенка”, “Ненависть к самим себе в еврейской среде”, “Перед лицом опасности”, “Реконструкция культуры”, “Германия: особый случай”, “Модели поведения, понимание и принятие новых ценностей”, вошедших в посмертный сборник “Разрешение социальных конфликтов” [5]. В работах этого периода Левин дал образцы конкретно-психологического анализа различных социальных явлений – от супружеских конфликтов и проблем подросткового возраста до проблем построения демократического общества в стране с сильными авторитарными традициями – и показал возможность экспериментирования в социальном пространстве (классическое исследование стилия руководства).

Действительное исследование. В последние годы жизни (в этот период был создан Центр исследований групповой динамики) Левин и его ученики

приходят к модели “действенного” исследования [5, с. 366–386].

Основная идея действенного, или *фундаментального прикладного*, исследования состоит в том, что существенным его моментом является изменение ситуации (реальное или планируемое). Психологическое исследование выступает как составная часть решения реальных социальных задач, например, таких, как изменение межгрупповых отношений. “Процесс исследования социальной ситуации должен стать составной частью организации любого образовательного процесса, связанного с осуществлением социальных действий” [5, с. 374] (см. [2, с. 75–77]). Левин описывает соотношение действия, исследования и тренинга в виде треугольника, “разрушение которого крайне негативно отразится на качестве трех его составляющих и на осуществлении наших целей в общем” [5, с. 379–380]. Он рассматривал это по отношению к “социальной сфере”, но не относится ли это к любым вопросам психологии?

“Левинский” способ мышления. Разработка модели действенного исследования добавляет последний важный штрих к тому, что можно назвать “левиновским” способом мышления. В чем же состоит “левиновский” способ мышления в психологии, красной нитью проходящий через сменяющиеся исследовательские программы?

1. Выбор в качестве предмета исследования жизненно значимых проблем и явлений, в том числе и самых сложных. Анализ реальных жизненных ситуаций с реальными проблемами.

2. Значимость всего того, что существует для субъекта психологически, и соединение в едином исследовании “объективных” (полученных в результате наблюдения) и “субъективных” (полученных благодаря общению с участником исследования) представлений ситуации. Понятие психологического поля как всего, что существует для индивида психологически.

3. Разведение фено- и генотипа – умение выделять “генотипические” характеристики реальных жизненных ситуаций (групповая атмосфера, супружеские конфликты и т.д.), на основе этого – построение теоретической модели исследуемого явления или процесса с помощью “теоретико-полевых” понятий.

4. Типологический анализ и выделение каузально-генетических типов (типы ситуаций обещания награды и угрозы наказания; типы конфликтных ситуаций; типы лидерства и групповой атмосферы; типы сил, действующих на индивида; типы жизненного пространства и т.д.).

5. Конструктивный метод: теоретическая реконструкция уникальной индивидуальной ситуации с помощью небольшого числа базовых конструктивных элементов.

6. Метод последовательного приближения – от общей структуры ситуации к полноте реальности данного индивидуального случая. Использование общих теоретических моделей (например, виды конфликтов) как исходного момента для анализа данного индивидуального случая, а не для подведения его под тип; фактическое построение теоретических моделей разного уровня общности: общих (виды конфликтных ситуаций, стили руководства; разная степень общности: ситуации мотивационного конфликта – конфликты в ситуации угрозы наказания или обещания награды, в ситуации супружества и т.д.) и “индивидуальных” (анализ конкретного производственного конфликта, поведения данного ребенка в авторитарной и демократической группе).

7. “Действенное” исследование. Реальное изменение ситуации как существенный момент исследования. Снятие противостояния “теоретического”, “экспериментального” и “прикладного” исследований – теоретические модели становятся важнейшим средством решения реальных “практических задач” (“нет ничего практичнее хорошей теории”).

8. Общение экспериментатора с участниками исследования (“испытуемыми” их уже не назывешь), “работа” с их сознанием, обучение и обсуждение как часть “действенного” исследования. Включенность исследователя в ситуацию в противоположность позиции “над”. Принципиальное равноправие экспериментатора и испытуемого.

В заключение отметим, что Левин разработал методологию “действенного” исследования применительно к сфере социальных проблем. Остается задача разработки “действенного” исследования в двух других основных сферах левиновских интересов: по отношению к проблемам личности и развития ребенка. “Действенные” исследования в ходе работы с группами породили практику организационного консультирования. Сфера образования более консервативна, чем бизнес. Разработать и осуществить “действенные” исследования в области развития ребенка, использовать левиновский анализ (начиная с ситуации награды и наказания, влияния демократической и авторитарной атмосфер, влияния успеха и неуспеха на мотивацию и т.д.) и создать аналогичную практику в сфере образования – один из вызовов психологии XXI в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 тт. М.: Педагогика, 1983. Т. 3.
2. *Гришина Н.В.* Курт Левин: жизнь и судьба // Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Речь, 2000. С. 6–99.
3. *Зейгарник Б.В.* Теория личности Курта Левина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981.

4. Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь, 2000.
5. Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Речь, 2000.
6. Левин К. Динамическая психология. М.: Смысл, 2001.
7. Леонтьев А.Н., Розенблюм А.Н. Психологическое исследование деятельности и интересов посетителей Центрального парка культуры и отдыха им. Горького (предварительное сообщение) // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А.Н. Леонтьева / Под ред. А.Е. Войскунского, А.Н. Ждан, О.К. Тихомирова. М.: Смысл, 1999. С. 370–425.
8. Оллпорт Г. Личность в психологии. М.: КСП+, СПб.: Ювента, 1988.
9. Karsten A. Psychische Sättigung // Psychologische Forschung. 1928. Bd. 10. S. 142–254.
10. Lewin K. *Kriegslandschaft* // Zeitschrift für angewandte Psychologie. 1917. Bd. 12. S. 440–447.
11. Lewin K. Vorsatz, Wille und Bedürfnis, mit Verbesserungen über die psychischen Kräfte und Energien und die Struktur der Seele. Berlin: Springer, 1926.
12. Lewin K. *Gesetz und Experiment in der Psychologie*. Berlin; Schlachensee: Weltkreis Verlag, 1927.
13. Lewin K. Der Übergang von der aristotelischen zur galileischen Denkweise in Biologie und Psychologie // Erkenntnis. 1931. Bd. 1. S. 421–466.
14. Lewin K. *Die psychologische Situation bei Lohn und Strafe*. Leipzig: Hirzel, 1931.
15. Lewin K. *A Dynamic Theory of Personality*. N.Y.: McGraw-Hill, 1935.
16. Lewin K. *Principles of Topological Psychology*. N.Y.: McGraw-Hill, 1936.
17. Lewin K. *The Conceptual Representation and Measurement of Psychological Forces*. Duke University Contributions to Psychological Theory, 1938. V. 1. No. 4.
18. Lewin K. *Formalization and Progress in Psychology* // University of Iowa Studies in Child Welfare, 1940. V. 16. No. 3. P. 7–42.
19. Zeigarnik B. Das Behalten erledigter und unerledigter Handlungen // Psychologische Forschung. 1927. Bd. 9. S. 1–85.

KURT LEWIN: SEARCHING FOR A NEW PSYCHOLOGICAL THINKING

D. A. Leontiev*, E. Yu. Patayeva**

*Dr. sci. (psychology), professor, department of psychology, Moscow State University

**Psychologist, Moscow

The paper focuses at Kurt Lewin's contributions to the emerging scientific methodology of the psychology of XXth century. Several Lewin's research programs and systems of methodological views are discussed in order of their successive elaboration.

Key words: Lewin's way of thinking, methodology of psychology, experiment.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРЦЕПТИВНОГО ПРОЦЕССА

© 2001 г. В. А. Барабанщиков

Доктор психол. наук, профессор, зав. лабораторией системных исследований психики ИП РАН, Москва

Проводится анализ онтологических оснований перцептивного процесса. Делается попытка преодолеть как механистическое, так и узко гносеологическое представление о субъекте и проинтерпретировать объект восприятия в терминах реальной ситуации.

Ключевые слова: перцептивный процесс, конкретный субъект восприятия, объект-ситуация.

Стало традицией рассматривать перцептивный процесс так, как если бы воспринимающий представлял собой сложно устроенный регистрирующий прибор, а объект восприятия – воздействующий на него внешний агент [11, 16, 30, 32, 58, 59, 64]. Подавляющее большинство экспериментальных исследований восприятия посвящено выявлению рабочих характеристик “прибора”, теоретические же поиски ограничены его устройством и принципами функционирования. Без каких-либо существенных изменений представления, родившиеся в лабораториях XIX в., перешли в область прикладной психологии XX в. (инженерной, труда, клинической и др.), усилив технократические позиции ее радикального крыла. На сегодняшний день эвристический ресурс подобного подхода в значительной степени исчерпан. Ясно, что “рабочие характеристики” субъекта восприятия очень динамичны, взаимосвязаны друг с другом и приводят к сложным интегральным эффектам. При этом сам “прибор” оказывается чувствительным к потребностям человека, его темпераментальным особенностям, чертам характера, способностям, опыту и даже к собственному облику. Более того, в процессе функционирования он меняет не только свойства, но и принцип работы. Не остается неизменным и объект восприятия, который в разных обстоятельствах демонстрирует различную роль, открываясь реципиенту с самой неожиданной стороны. Все это заостряет вопрос об онтологическом основании перцептивного процесса, который при изучении конкретных феноменов либо замалчивается, либо считается слишком общим и потому весьма далеким от существа дела. Без удовлетворительного решения данного вопроса вряд ли можно всерьез обсуждать проблему экологической и социальной валидности ис-

следований восприятия и перспективы их практических приложений.

Говоря об онтологии восприятия, чаще всего имеют в виду его нейрофизиологические механизмы, параметры которых можно объективно зарегистрировать и оценить. В этом случае чувственная данность среды – основной феномен восприятия – рассматривается как нечто производное от указанных механизмов, не имеющее самостоятельного значения. Между тем, любое перцептивное явление выступает не только в качестве функции сенсорной системы или образа среды, но и как переживание индивида и регулятор его активности. Оно столь же реально, как и сама действительность, поведение или динамика нервной ткани, а значит, имеет собственное относительно независимое бытие.

В данной работе представлена попытка преодолеть механистическое и узко гносеологическое понимание субъекта и проинтерпретировать объект восприятия в терминах реальной ситуации.

КОНКРЕТНЫЙ СУБЪЕКТ

“Альфой” и “омегой” анализа перцептивного процесса является воспринимающий – т.е. тот, кому принадлежит и кто осуществляет данный процесс. Имеется в виду конкретный индивид (представитель вида, конкретный исторический человек), наделенный мозгом, органами чувств и движения, способный ориентироваться, коммуницировать и действовать в окружающей среде; это – носитель чувственного отражения действительности, отношения к ней и соответствующих форм активности.

Субъект восприятия выражает особое качество, которое приобретает индивид, включаясь в систему жизненных связей и отношений. Его специфика состоит в возможности информационного взаимодействия индивида со средой, обеспечи-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 01-0600115А).